

Западноевропейские купцы и процесс европеизации России в XVI в.

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена участию России в международной морской торговле середины – конца XVI в. при посредничестве различных западноевропейских купцов, особенно Английской (Лондонской) Московской компании, рассматриваемого с точки зрения проблемы европеизации России.

Процесс поверхностной европеизации России, начавшийся с созданием единого Московского государства, включал в себя не только заимствование западного военно-технического опыта при посредстве нанятых на русскую службу европейцев, но и втягивание России в мировую торговлю, которая в XVI в. стала основным двигателем модернизации экономики Европы. Поэтому о западных купцах в России следует поговорить особо, прежде всего потому, что они втянули аграрную, застывшую в натуральном хозяйстве Московию в сферу бурно развивавшейся в Новое время мировой торговли.

Конечно, в России и до середины XVI в. развивалась торговля. Англичанин Ричард Ченслор, спускавшийся в 1553 г. от Белого моря к Москве, стал свидетелем оживленной зимней торговли, сосредоточием которой явилась русская столица. Картина данной торговли была помещена Ченслором в его книге о Московии. «Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро

вы можете встретить от 700 до 800 саней, едущих туда с хлебом, а некоторые – с рыбой. Иные везут хлеб в Москву, другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше чем за 1000 миль; все их перевозки осуществляются на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу – так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных...»¹.

Спутник Ченслора капитан Климент Адамс описал привозимые с Русского Севера меха подробнее, упомянув соболей, которых английские благородные дамы «так любят носить на шее, также белых, черных и бурых лисиц, меха заячьи, бобровые и других животных, известных под разными скифскими именами». Он также перечислил среди товаров, свозимых зимой в Москву, моржовые бивни, «соленые припасы», «торг сеном и льном, медом и воском»². К перечисленным товарам английский посол Антоний Дженкинсон в 1557–1558 гг. добавил «глиняные горшки, кадки, сани и тому подобное»³.

Основатель единого Московского государства Иван III сделал многое, чтобы превратить Москву в главный торговый центр своей поднимающейся империи, куда бы приезжали иностранные гости

со всех концов света. Отчасти этим желанием были вызваны массовые насильственные переселения в столицу новгородских купцов и лучших торговых людей из других присоединенных к Москве областей. В 1476–1477 гг. венецианец Контарине заметил, что в Москву «в течение всей зимы собирается множество купцов, как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха – соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. И хотя эти меха добывают за много дней пути от города Московии, больше в областях на северо-востоке; на севере; и даже, может быть, на северо-западе, однако все съезжаются в это место, и купцы покупают именно здесь...»⁴.

Выгоды, приносимые московскому государю внешней торговлей, отмечены А. Кампензе, составившим в середине 20-х гг. XVI в. на основании рассказов своего отца и брата, много раз подолгу бывавших в России, что-то вроде справки о Московии для папы Климента VII. «Московия весьма богата монетою, добываемою более чрез попечительство государей, нежели чрез посредство рудников, ...ибо ежегодно привозится туда из всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности, но стоящих весьма дорого в наших краях. К тому же вывоз золота и серебра за пределы государства строжайше запрещен, исключая те случаи, когда сам великий князь посылает оные на продовольствие для войска, ибо он ведет непрерывные войны с соседями своими, как для внушения им должного страха, так и равно и для распространения своих владений»⁵.

Несмотря на появление с конца XV в. на московских торгах западных купцов, в целом русская внешняя торговля конца XV – начала XVI в. сохраняла прежнюю основную ориентацию на восток и юг⁶. Из Москвы по Москве-реке, Оке и Волге отправлялись суда в Астрахань за солью. В многонациональной Астрахани торговали и имели дворы татарские, турецкие, персидские, армянские, еврейские, среднеазиатские купцы. Переход Астрахани в 1554–1556 гг. под руку Москвы приносил Русскому государству, по версии бухарских послов к турецкому султану, по тысяче золотых тамги на день⁷. Купцы из Москвы, Твери, Новгорода, Коломны, Можайска торговали в Кафе, в Азове, бывали в Константинополе, регулярно ездили в Казань и Крым (по 120 человек!). В Россию из Кафы русские купцы, а также татары, генуэзцы и армяне привозили шелк, шелковые и шерстяные ткани, шелковую тесьму, бумагу хлопчатую, кушаки, сафьян, сабли, гребни, ожерелья, дорожные камни, жемчуг, ладан, губки, мыло, ковры, краски, грецкие орехи, имбирь, перец, миндаль, шафран, мускус, камфору.

Из Волжской Орды как-то вместе с посольством прибыло 3200 татарских торговцев, которые привели на продажу сразу 40 тыс. лошадей. Продвижение русских торговцев на Запад к середине XVI в. ограничивалось в основном Скандинавией и польско-литовскими рубежами: торговали в Киве, Полоцке, Вильне, Путивле. «Русским товаром»

были: воск, мед, меха беличьи, лисьи, бобровые, горностаевые, рысьи, выдровые, овчины. По сообщению Контарине, в конце XV в. в Москву съезжалось множество купцов из Германии и Польши для закупки мехов. По мнению В.О. Ключевского⁸, выведенные из Смоленска (после его перехода в 1514 г. к Василию III) купцы составили в Москве со временем основу влиятельного торгового объединения – «суконной сотни»⁹. Через Смоленск и Литву с конца XV – начала XVI в. шли в Россию «лунские» (то есть лондонские, точнее, английские) сукна¹⁰, что, однако, не имело большого международного значения.

В середине XVI в. предложения западных купцов, с одной стороны, и позиция центральной московской власти – с другой, определили на длительный срок роль России в мировой коммерции как одного из значимых поставщиков Западу сырья – в первую очередь корабельного леса, ворвани, сала, пеньки, дегтя и других товаров, идущих на нужды кораблестроения, а также предметов экзотической (русской или восточной транзитной) роскоши – мехов, ценной рыбы, ковров, драгоценных камней, пряностей и т.д.

Венецианец Марко Фоскарино констатировал, что в России «нет какой-либо рудной жилы, золота, серебра и драгоценных камней, зато в изобилии имеется медь, железо, свинец. Но природа вознаградила москвитян, дав им драгоценные меха, которые покупают из гордости и хвастовства люди изнеженные и тщеславные и платят за них чрезвычайно дорого. Дело неслыханное прежде, когда они, зная наше тщеславие, продавали нам меха за совершенный бесценнок»¹¹. Как видно, русские к 1557 г., когда Россию посетил Фоскарино, стали лучше ориентироваться в европейских ценах и реальной стоимости на Западе своих товаров, в частности мехов.

С развертыванием морской торговли через Белое море и Балтику повысилась роль торговли в экономике России, хотя, конечно, не в той степени, которая наблюдалась в странах Запада. Укрепилось и положение торгового сословия в России. Если на первом Земском соборе 1549 г. присутствовали только бояре, духовенство и служилые люди, то на Соборе 1566 г., обсуждавшем вопросы Ливонской войны, была значительная депутация купцов. Представительство торгово-ремесленных слоев населения на Соборе 1566 г. было вторым по численности после служилых людей – 75 человек, или 20% (дворян было 204 человека, или 54,7%)¹².

Торговые интересы России в материалах Земского собора 1566 г. были выставлены в качестве одного из основных резонансов продолжения Ливонской войны. Об этом говорили даже представители духовенства. «Если польский король утвердиться в Риге, – утверждали соборные старцы, – то не токмо государевым городом Юрьеву и иным городам ливонским государским и Пскову тесноты будут великие, но и Великому Новгороду и иных городов торговым людям торговли затворятца»¹³. Это свидетельствовало о росте влияния торговли и торговых людей, важности для высшей власти

знать «напрямую» их мнение. Еще более мощное представительство торговых кругов (выборные от московских гостей, суконной и черной сотен¹⁴) оказалось на Земском соборе 1598 г.

Торговых европейцев гнала в Россию, как, собственно, и в Индию или Новый Свет, жажда наживы. Им было выгодно наладить в Московии один из вариантов колониальной торговли и постепенно превратить эту «варварскую», с их точки зрения, страну в свою торговую факторию. Однако русское вотчинное государство, привыкшее контролировать на своей территории все и вся, сумело повести игру по собственным правилам, обеспечив России роль своеобразного, во многом отсталого, экстенсивного и примитивного, но, безусловно, самостоятельного торгового партнера Запада.

Во второй половине XVI столетия количество иноземных торговых людей в России постоянно росло. Стимулом к этому стало открытие англичанами северного морского пути в Россию. В середине XVI в. обнаружилось падение цен и интереса к товарам из Британии, и это несмотря на то, что привозили англичане свои товары в другие европейские страны на собственных судах. В то же время заморские товары, особенно пряности, в цене росли. Англичане решили последовать примеру португальцев и испанцев, а именно отправиться искать новые пути в восточные страны. После совещания предприимчивых людей со знаменитым мореплавателем Себастьяном Каботом на свет появилась утопическая идея: отыскать северо-восточный путь в Китай и Индию. Составилась компания с капиталом в 6 тыс. фунтов (каждый член должен был внести 25 фунтов.) Были куплены три корабля, которые под началом Юга Уиллоуби (Хью Уиллоби) 20 мая 1553 г. вышли в северное путешествие. Вскоре буря разметала суда.

Капитан судна «Edward Bonaventure» Ричард Ченслор (Chancellor), не дождавшись товарищей в условленном месте встречи – в норвежском Вардегузе¹⁵, на свой страх и риск продолжил плавание. Вскоре он попал в большой залив и вышел к устью Северной Двины. Здесь он завел отношения с местными жителями, покупая у них продовольствие и узнал, что страна называется Россия. Ченслор заявил, что послан своим королем Эдуардом IV к русскому государю. Холмогорские земские старосты списались с Москвой, откуда пришло разрешение торговать с пришельцами, а также приглашение последним ехать в Москву, если они не испугаются трудностей долгого пути.

Последнего опасаться не приходилось. Ченслор рвался в русскую столицу и даже уехал туда, не дождавшись означенного выше приглашения. Вскоре он уже беседовал с царем. Иван IV проявил интерес к торговым предложениям иностранца и отправил его на родину с грамотой, адресованной английскому королю. В Лондоне Ченслор узнал о смерти юного британского правителя, место которого заняла его старшая сводная сестра Мария (Кровавая) и ее супруг Филипп

Испанский. Они со своей стороны всячески приветствовали создание английской компании для торговли с Московией (1554).

В 1555 г. Ченслор и два агента новой компании прибыли в Москву и в ходе переговоров с дьяком Иваном Висковатым и лучшими московскими купцами получили грамоту, содержащую огромные привилегии:

«1) члены, агенты и служители компании имеют свободный путь всюду, везде имеют право останавливаться и торговать со всеми беспрепятственно и беспошлинно, также отъезжать во всякие другие страны;

2) ни люди, ни товары не могут быть нигде задержаны ни за какой долг или поруку, если сами англичане не суть главные должники или поручники, ни за какое преступление, если не сами англичане его совершили; в случае преступления англичанина дело выслушивает и решает сам царь;

3) англичане имеют полную свободу нанимать себе разного рода работников, брать с них клятву в точном исполнении обязанностей, при нарушении клятвы наказывать и отсылать их, нанимать других на их место;

4) главный фактор, назначенный компанией в Россию, управляет всеми англичанами, находящимися здесь, чинит между ними суд и расправу;

5) если кто-нибудь из англичан ослушается фактора, то русские, как правительственные лица, так и простые люди, обязаны приводить ослушника в повиновение;

6) обещается скорое и строгое правосудие английским купцам при их жалобах на русских людей;

7) если кто-нибудь из англичан будет ранен или убит в России, то обещается строгий и немедленный сыск, и преступник получит должное и скорое наказание в пример другим. Если случится, что служители купцов английских будут подвергнуты за какое-нибудь преступление смертной казни или другому наказанию, то имущество и товары хозяев их не могут быть отобраны в казну;

8) если англичанин будет арестован за долг, то пристав не может вести его в тюрьму, прежде нежели узнает, что главный фактор или депутаты будут ли поруками за арестованного? Если будут, то арестованный освобождается»¹⁶.

Надо сказать, что грамота английским купцам, выданная Иваном IV, не была односторонней. В Лондон вместе с Ченслором отправилось русское посольство во главе с Осипом Непеею, и, хотя корабль потерпел кораблекрушение, а Ченслор утонул (1556), русские послы сумели спастись. Они получили от королевы Марии грамоту на право русским купцам свободно и беспошлинно торговать («гуртом и в розницу») во всех британских владениях. В Лондоне и других английских городах русским обещали предоставить хорошие дома и склады, взять их имущество под королевское покровительство. В случае кораблекрушения товары и имущество русских не подлежало разграблению. Судить русских купцов в Англии должен был верховный канцлер. В будущем эти

привилегии были подтверждены и следующей английской королевой – Елизаветой.

Другое дело, что у русских не было ни умения кораблевождения, необходимого для столь долгого и опасного плавания, ни опыта в международной морской торговле. Возможно, зная об этом от Ченслора, английское правительство так легко и предоставило русским гостям широкие торговые привилегии. Они оказались не востребовавшими. Однако для русского государя это не было главной заботой. Иван IV, отправляя свое посольство в Лондон, желал получить прежде всего право свободного найма на русскую службу различных специалистов в Англии, что ему и было дано. Вскоре Осип Непея привез в Москву из Англии многих военных, мастеров, медиков, рудознатцев и прочих нужных государю людей.

Вскоре у Ивана Грозного возник план создания широкого русско-английского (или русско-шведско-английского) союза для борьбы Москвы за Ливонию. Ради него царь Иван IV даже строил планы своего брака с английской королевой Елизаветой. Эти планы не удались, как и все попытки втянуть Англию в какой-либо союз с Россией, помимо торгового. Зато Английская (Лондонская) Московская компания успешно расширяла свою деятельность в России вплоть до английской революции. Лишь в 1649 г. из-за казни английского монарха все британские купцы были временно выдворены за русские рубежи и навсегда лишились своих огромных привилегий.

Правда, и в течение царствования Ивана Грозного привилегии Английской (Лондонской) Московской компании не раз ставились под вопрос и пересматривались русской стороной в сторону постепенного уменьшения. В 1580 г. агент Английской (Лондонской) Московской компании Джером Горсей открыл в Москве «Русское общество английских купцов», которое действовало достаточно автономно. И сам Горсей под конец его деятельности в России имел трения с Московской компанией. По смерти же Ивана Грозного дьяк Андрей Щелкалов поспешил сообщить британским купцам об очередном урезании их обширных прав символической фразой: «Английский царь умер»¹⁷.

Особая привязанность Грозного к англичанам объяснялась двумя причинами. Как уже говорилось, царь хотел принудить Англию заключить с ним оборонительный и наступательный союз для борьбы за Ливонию против Речи Посполитой, а позже и Швеции, а также рассчитывал на беспрепятственный вывоз из Англии необходимых для военных нужд России товаров и специалистов. Другая причина была более прозаической: Иван IV желал гарантировать себе возможность найти убежище в Англии в случае возникновения крайней опасности для его жизни.

Характерны в этом плане русско-английские переговоры конца 1560 – начала 1570-х гг. Предложение о союзе от лица московского царя в Лондон привез агент Английской (Лондонской) Московской компании Дженкинсон в 1569 г. Но

это была, так сказать, программа-максимум. Программой-минимум выступало право русской стороны беспрепятственно импортировать из Англии олово, свинец, порох, оружие и нанимать разных специалистов на русскую службу. Интересно, что в перечне специалистов в переговорах 1569–1570 гг. значились люди, умеющие строить корабли и управлять ими.

С началом Ливонской войны мысль о необходимости иметь собственный флот не раз посещала русского государя. Иван IV понял, что без флота трудно выйти победителем из крупных многосторонних европейских конфликтов. Так что к началу активной деятельности Петра I в этой области мысль о флоте в России была не новой, ей исполнилось более ста лет. Правда, английский купец и дипломат Джером Горсей привел в своем сочинении о России более «приземленную» версию постройки английскими мастерами у Вологды «первого русского флота». Царь «с давнего времени, объяснял Горсей, имея мысль сделать Англию своим убежищем в случае необходимости, построил множество судов, баржей и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию»¹⁸.

Разумеется, английской королеве Елизавете, не имевшей своих интересов в Ливонии, тесный военно-политический союз с Россией был совершенно не нужен. Британская корона имела в России лишь коммерческие интересы и стремилась получить к беспопытной торговле еще и исключительные права на торговлю с Москвией, то есть закрыть Россию для проникновения купцов из других западных стран. Собирались английские купцы и самостоятельно продвигаться посуху на восток в глубь российских владений.

В 1569–1570 гг. Иван Грозный готов был пойти на такие беспрецедентные привилегии Московской компании только при условии немедленного вступления Англии на стороне России в Ливонскую войну. В противном случае Россия не могла дать британским купцам такие исключительные права. Исключительные торговые привилегии Английской (Лондонской) Московской компании, не подкрепленные военно-политическим русско-британским альянсом, содержали угрозу сделать Москву марионеткой английских «торговых мужиков», которые, как писал Грозный в довольно невежливом послании к Елизавете в октябре 1570 г., «владеют» английским государством «помимо» королевы, ища «своих торговых прибытков»¹⁹.

Идею военного союза Елизавета мягко отклонила. Правда, королева, как и просил Иван Грозный, гарантировала убежище в случае бегства царя из России «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, где московский царь с семьей сможет жить на «своем содержании»²⁰. Причем королева «забыла» попросить «своего царственного брата» об аналогичном одолжении для себя в России. Это поставило московского царя в положение одностороннего просителя. В итоге в 1569–1570 гг.

Иван IV отозвал все данные английским купцам привилегии.

В Москву тотчас же прибыл посланец королевы Дженкинсон. Русский царь «смягчился», вернул большую часть льгот, включая беспопышную торговлю. Взамен Англия разрешила беспрепятственно везти в Россию требуемых западных специалистов и товары. Вдобавок королева Елизавета прислала к царскому двору доверенного медика Роберта Якоби, аптекарей и цирюльников. В итоге каждая сторона осталась «при своем», и компромисс состоялся.

Примерно в таком ключе развивались русско-английские отношения и позже: в 1575–1576 гг., неожиданно «возведя» на московский трон Симеона Бекбулатовича, царь обсуждал с английским гонцом Сильвестром новые гарантии предоставления ему убежища в Англии. В случае несогласия он грозил отнять у Английской Московской компании торговые льготы и передать их голландцам и венецианцам²¹. И хотя данные переговоры не были завершены до конца (гонца на пути из Москвы в Холмогоры убил удар молнии), позже дело решилось к обоюдной выгоде.

Надо сказать, что противники России по Ливонской войне были настроены весьма негативно относительно бурно развивающейся англо-русской торговли. Сигизмунд II Август, последний польско-литовский монарх из династии Ягеллонов, в 60-х гг. XVI в. писал английской королеве: «Московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву: ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художников, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству небезызвестны силы этого врага и власть, какую он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образования, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет ... неизвестно»²².

Император Священной Римской империи Рудольф II придерживался сходного мнения. В отличие от своего отца Максимилиана II, который был скорее союзником России, Рудольф II поддерживал с Россией так называемый «настороженный нейтралитет», особенно когда речь зашла о судьбе осиротевшего после смерти последнего бездетного Ягеллона польско-литовского престола. Что же касается Ливонии, то и Максимилиан II, и Рудольф II считали ее частью Священной Римской империи германской нации, о чем неоднократно писали в Москву, прося прекратить воевать «убогих ливонцев». В империи уже осознали, что надежда видеть Россию союзницей в борьбе с турками оказалась иллюзией.

Когда же в безвыходной для России ситуации в Ливонии в 1580 г. русская дипломатия предложила императору союз против турок, рассчитывая, очевидно, на отмену запрета свободного ввоза

в Россию из Австрии и германских земель оружия, пороха и т.п., расчет не сработал. Австрийский гононец привез следующий ответ императора: «Возить в Московское государство медь, свинец, олово он, Рудольф, не запрещал, а запрещен вывоз из империи оружия и всего относящегося к ратному делу еще при Карле V, и потом это запрещение подтверждено при императоре Максимилиане II»²³.

Как мы видим, позиция сопредельных с Россией государств и их патронов в вопросе пропуска в Московию товаров и специалистов из Западной Европы мало изменилась в конце XVI в. по сравнению с его началом, когда дерптский епископ считал своим долгом не допустить проезда в Россию даже одного наемника. В 1539 г. архитектор Петр Фрязин, бежавший из Москвы из-за боярского произвола, был допрошен в Дерпте относительно оружия мастера немца Александра. «Петр отвечал: «Знаю, я жил с ним на одной улице. Этот Александр сказывал в Москве боярам, что у него есть товарищ в Дерпте, который умеет пушки лить и стрелять из них и думает ехать в Москву, служить великому князю». Услыхав это, епископ попытался об этом немце и сослал его неведомо куда»²⁴.

Однако более дальние западные страны готовы были игнорировать опасения соседей-врагов России и проявляли заинтересованность в русско-европейской торговле. Главными «торговыми воротами» в Россию для них была Нарва, завоеванная русскими в Ливонскую войну. (Северный путь, найденный англичанами, почти два десятилетия являлся английской монополией.) В последней трети XVI в. вслед за англичанами в Россию потянулись фламандцы, голландцы, немцы, французы, испанцы. Например, с 1570-х гг. через Нарву с Россией торговали французские купцы из Руана, Парижа, Ля-Рошеля²⁵. Нарвские купцы, присягнувшие России, получили от царя различные льготы.

В Нарве на службе у России появился самый оригинальный отряд служилых «немцев». Иван Грозный нанял предводителя балтийских пиратов Карстена Роде и других каперов для защиты нарвского устья. Все наемники-корсары на русской службе получили также лицензии у союзника России по Ливонской войне – владельца острова Эзель принца Магнуса²⁶. К несчастью для Москвы, Ливонская война с конца 1570-х пошла неудачно. В 1581 г. шведы заняли Нарву. Проект вассального России «Ливонского королевства» во главе с принцем Магнусом, последовательно обреченным с двумя дочерьми несчастного удельного князя Владимира Старицкого (племянниками Ивана Грозного), также рухнул. В этой обстановке датский король Фредерик II решил прекратить хождение иностранных судов, везших товары в Россию, через датский Зунд – пролив, соединяющий Северное и Балтийское моря. Английские суда, оказавшиеся в Зунде, были там арестованы, а товары конфискованы датской таможней.

В итоге с 1581 г. единственной торговой дорогой в Россию оказался «английский» северный путь. Этот путь шел Северным и Норвежским мо-

рями вокруг Скандинавии. Уже за Полярным кругом корабли попадали в Баренцево и Белое моря, а потом бросали якорь в устье Северной Двины – в бухте Св. Николая, где позже в 1584–1585 гг. по совету английских гостей будет заложен главный северный русский торговый порт – Архангельск. До основания Архангельска самым оживленным торговым поселением на Севере были Холмогоры. Там многие иноземные купцы имели дворы. Северная навигация была короткой и очень опасной, что делало ее менее выгодной по сравнению с нарвской. Однако когда Россия лишилась Нарвы, северный путь оказался очень даже востребован.

Северным путем стали ходить не только англичане, но и голландцы. Еще в 1560-х гг. один нидерландский приказчик, по имени Брюнель, добрался до Колы, откуда отправился в Холмогоры, где выучил русский язык и познакомился со знаменитыми торговыми людьми Строгоновыми. (Торговые люди Строгоновы сумели даже вытащить Брюнеля из тюрьмы, куда иноземец угодил по подозрению в шпионаже). С 1570 по 1577 г. Брюнель несколько раз курсировал между Нидерландами и Русским Севером, выполняя торговые поручения Строгоновых²⁷.

В 1582 г. русское посольство в Лондоне получило жалобу на Яна де ла Валле, который «прознал дорогу к Холмогорам за англичаны»²⁸. Русские источники знают этого предприимчивого «немца» под именем Ивана Белоборода. Первые его корабли посетили устье Северной Двины в 1578 г.²⁹ В Москве выходцам из испанских Нидерландов и северных нидерландских провинций покровительствовали влиятельные люди – боярин Никита Романович Захарьин–Юрьев и дьяк Андрей Шелкалов с братом. Они всегда выступали против исключительных привилегий английских купцов. В итоге русское правительство, давшее Английской (Лондонской) Московской компании право беспопытной торговли, не собиралось делать северный путь монополией англичан.

В 1582 г. из Голландии в Россию прибыли еще два голландских корабля. Один зафрахтовал придворный лекарь фламандец Иоганн Эйлоф, другой принадлежал нидерландскому купцу фон Залену. Появление голландцев в устье Северной Двины спровоцировало прибытие в Москву в 1583 г. английского посла Боуса с трудной миссией. Он должен был получить для Английской (Лондонской) Московской компании исключительные права на торговлю с Россией и при этом аккуратно отказать царю в заключение военно-политического союза и брака Иван Грозного с племянницей британской королевы – Марией Гастингс.

Боус настаивал: «Дорогу к Белому морю наши гости нашей государыни, так они одни пусть и ходят этою дорогою»³⁰. Как мы уже отмечали, Иван IV готов был пойти на такую («тяжелее дани», по его собственным словам) жертву. Англия же взамен должна была немедленно напасть на Речь Посполитую, Швецию и Данию, «которые его вотчину, Ливонскую землю, извоевали»³¹. Посол отказался вписать в договор это положение,

сославшись на отсутствие у него полномочий. Россия не дала англичанам права монопольной торговли.

В итоге северные пристани были закреплены за разными гостями. Корельская, Воргузская, Мезкенская, Печенгская и Шумская пристани остались за английской компанией. Пудожерская, куда уже неоднократно прибывал гость из Антверпена Иван Белобород (Ян де ла Валле), предназначалась для Нидерландов. В Кольскую гавань прибывали французы. О предоставлении этой гавани французским гостям в 1583 г. писал Ивану Грозному король Генрих III. Просьба сопровождалась предложением установить дружеские отношения между Россией и Францией. Вскоре переговоры о расширении русско-французской торговли продолжились уже в Париже, куда прибыл московский посланец толмач П. Рагон³².

Пока англичане, выходцы из разных нидерландских земель, французы и прочие «немцы» боролись за свои права в русской торговле, объявлялась страна, желавшая просто «паразитировать» на этой торговле. Земли Кольского полуострова у Баренцева моря, вдоль которых шел северный путь в Россию, были спорной территорией между Москвой и Копенгагеном. Датская сторона решила брать пошлины с западных кораблей, плывущих вдоль ее берегов в Россию. Уже в 1582 г. датский король Фредерик II, несмотря на мирный русско-датский договор 1578 г. и признание Россией прав Дании на остров Эзель, организовал рейдерский поход своих военных кораблей против торговых судов, плывущих в Россию.

Жертвами стали три голландских судна, сумма общего ущерба купцов составила 50 тысяч рублей. Иван Грозный в июне 1582 г. вынужден был отправить датскому королю по этому поводу особое послание, требуя прекратить подобные акции³³. Так как Россия не имела военного флота, охрану англо-русской торговли на Севере пришлось взять на себя Англии. Королева Елизавета послала для защиты своих подданных два военных корабля. Они, видимо, и провели на родину пять британских торговых судов, оказавшихся в 1582 г. в Белом море. До 1639 г. датские рейды прекратились. В морском набеге 1639 г., организованном Копенгагеном, опять пострадали голландцы. Четыре нидерландских «купца» (торговых судна) были атакованы двумя датскими военными кораблями³⁴.

Но все эти неприятности не повлияли на рост торговых операций между Россией и Западной Европой, как и на увеличение числа западных купцов регулярно бывающих или постоянно ведущих дела в Московии. В столичных немецких слободах конца XVI в. можно было встретить три категории торговых «немцев»:

– к первой, самой обласканной, относились компаньоны Английской (Лондонской) Московской компании. Эту группу британских купцов возглавлял главный агент – фактор, он же был официальным представителем английской короны при русском дворе. Большинство купцов

Английской (Лондонской) Московской компании принадлежали к новому английскому дворянству, активно включившемуся в занятие прибыльной международной торговлей;

– вторую категорию составили иностранцы из разных стран, объединявшиеся по торговым интересам, землячества, религиозным нюансам, а то и по воле случая. Самыми сильными здесь оказались выходцы из освободившейся от испанцев части Нидерландов. В России их чаще всего именовали по названию одной из провинций голландцами;

– третья категория западных купцов, «московские торговые иноземцы», являлись уже своеобразными подданными русского государя. Сюда входили выходцы из разных западных стран, осевшие в Москве, но большинство составляли ливонские торговые люди. Ливонцев принялись выводить в Москву с началом Ливонской войны. Горсей сообщает о «приведенных из Нарвы и Дерпта немецких и ливонских купцах и дворянах высокого происхождения, которых он (царь) расселил с их семьями под Москвой и дал свободу вероисповедания, позволив открыть свою церковь»³⁵.

По сообщению Маржарета, французского наемника, который служил в России в начале XVII в., ливонских церквей было две, правда, потом они «были разрушены и все их дома были разорены». Маржарет сообщает о погроме, который состоялся в 1570 г. по инициативе митрополита и духовенства после диспута Ивана IV с протестантским пастором. Другое разорение ливонцев было связано с изменой принца Магнуса в конце 1570–х гг. В конце Ливонской войны всем иностранным купцам пришлось поучаствовать в финансировании русских военных затрат. Иван Грозный принялся взыскивать деньги на «свой подъем» и «для тое войны». Известно, что в 1580–1581 гг. с английских купцов было взято 1 тыс. рублей, а в 1581–1582 – 500 рублей³⁶.

Большинство «немцев», занятых торговлей в России, были профессиональными купцами, однако встречались и люди, совмещавшие коммерческие операции с военной или иной службой. Выгоды российско-европейской торговли подогревали интерес европейских торговых людей к России. Неслучайно некоторые образованные купцы, сами никогда не бывавшие в русских пределах, стали авторами довольно подробных и достоверных «Описаний Московии», составленных на основе «Записок» различных послов (особенно Герберштейна), а также на сборе информацией у западных купцов, живших в России. Таково, к примеру, сочинение С. Нейгебауера, немецкого купца из Данцига, который собрал информацию о населении, природе, животном мире, климате, площади и географическом положении России, привел некоторые исторические экскурсы, довольно точно нарисовал облик города Москвы³⁷.

Участие России в международной торговле для европеизации страны имело не меньшее значение, чем служба нанятых на Западе специ-

алистов. Иноземные купцы из разных, особенно дальних западноевропейских, стран расширяли представления российских властей, русской социальной и купеческой элиты о европейском мире. С другой стороны, и Западная Европа через своих торговых людей имела возможность получать более широкие и достоверные сведения о России. Все это способствовало налаживанию диалога между Россией и Западной Европой, создавало возможности вступления России в компромиссные и даже союзнические отношения с рядом западных стран. Без шагов в данном направлении, как показал опыт длительной и неудачной, в конце концов, для России Ливонской войны, успешное позиционирование России в большом европейском пространстве было невозможно. По линии прежде всего торговых контактов в России был осознан факт большей дружелюбности дальних западноевропейских держав (Англии, Нидерландов, Франции и пр.), особенно в вопросе столь востребованного в России найма различных специалистов, через которых и шла диффузия западноевропейского опыта в Россию.

Смерть Ивана Грозного 18 марта 1584 г. явилась рубежом, за которым началась для России новая историческая эпоха. Ее открыло Смутное время. Нам же стоит подвести общие итоги положения и роли западных иностранцев в русской истории второй половины XV – XVI в.

Главный вывод заключается в том, что европеизация России, понимаемая как процесс постоянного заимствования на Западе военного, технического, административного, отчасти культурного опыта, началась отнюдь не в XVII или XVIII столетиях, как принято думать, а сразу же по рождению единого Московского государства в княжения Ивана III и Василия III.

Этот процесс составил характерную и необходимую черту развития Московской Руси. Европеизация резко отличала единое Московское государство от Руси предыдущей эпохи. Именно она позволила России утвердиться в большом европейском пространстве в качестве серьезного геополитического игрока, который смог успешно конкурировать с западными соседями и стремительно превращался в империю.

В эпоху Ивана Грозного связь России со странами Западной Европы значительно усилилась. Россия и Запад перестали быть «terra incognita» друг для друга. Были рассеяны многие иллюзии. Европе, особенно папской курии и Священной Римской империи, пришлось отбросить надежды видеть Россию униатской страной и щитом Европы от Турции. Россия, хоть и не была поколеблена в уверенности в своей православной исключительности, но вынуждена была признать превосходство Запада в военном и инженерном деле. Ее стремление через наем на русскую службу все большего числа западных специалистов овладеть «секретами» Запада вполне очевидно.

При этом европеизация Московии и при Иване III, и при его внуке Иване IV представляла собой процесс поверхностный. Заимствование за-

падного опыта носило явно механический характер, никак не влияло на социокультурные основы русской жизни. Мир Запада в России – Немецкая слобода – существовал словно в «зазеркалье», с одной стороны, обласканный властью, а с другой – ею же строго отделяемый от русского общества.

В итоге выбранная государевой властью при рождении единого Московского государства модель европеизации не вела в XV–XVI вв. к модернизации страны. Россия по-прежнему оставалась традиционной средневековой страной.

Как ни парадоксально, но такой порядок вещей еще крепче привязывал Московию к охваченному модернизацией Западу, создававшему все новые и новые военно-технические и прочие «новшества». Этому «вызову Запада» Россия должна была что-то противопоставить. Выживание России «вовне», в геополитическом пространстве модернизирующейся Европы, как и сохранение ее традиционных институтов «внутри», оказалось в прямой связи с процессом поверхностной европеизации. Россия как серьезный полюс геополитической силы в Восточной Европе не могла существовать без Западной Европы, как и Запад уже не мог не учитывать «русский фактор».

Еще один парадокс европеизации России второй половины XV – XVI вв. состоял в том, что по мере знакомства и общения московского русско-

го мира и западноевропейской цивилизации они осознали степень обоюдных различий и малую совместимость их внутренних социокультурных систем. В результате субъективное обособление России от западноевропейских стран возрастало, что имело яркое воплощение в религиозном вопросе, где Россия одинаково враждебно позиционировала себя как в отношении католического сообщества, так и в отношении протестантов. Что, впрочем, мало влияло на судьбу конкретных людей («немцев» на московской службе), где в процентном отношении преобладали к концу XVI столетия протестанты.

Tchernikova T.V. Western European Merchants and the Process of Europeanisation of Russia in XVI Century.

Summary: The article is devoted to an examination of a question of the use of different western experts on the Russian service in the XVI century. The author tries to find out in what areas and what kind of foreign experts were used in Russia at the times of Ivan IV; what were the reasons for the use of the Western European experts as well as results and significance of this phenomenon. Changes in the position of immigrants from the Western Europe during one and a half centuries are also examined.

Ключевые слова

Единое Московское государство XV–XVI вв., иностранцы на русской службе, заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, европеизация России, «Записки» иностранцев о России, участие России в международной торговле XVI в., иностранные купцы в России XVI в.

Keywords

Uniform Moscow state of XV–XVI centuries, foreigners on the Russian service, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, Europeanization of Russia, "Notes" of foreigners about Russia, Russia in the international sea trade of XV–XVI centuries, foreigners merchants in Russia of XVI century

Примечания

1. Ченслор Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 28.
2. Адамс К. Английское путешествие к москвитам // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 41.
3. Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 45.
4. Контарини А. Путешествие в Персию // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 8.
5. Письма Алберта Кампензе к папе Клименту VIII о делах Московии // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 23.
6. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 170.
7. Там же. Т. 6. С. 583.
8. Ключевский В.О. Соч. Т. VIII. С. 41–43.
9. Ряд историков (например, А.А. Зимин) поддерживает вывод Ключевского относительно состава Суконной сотни. Однако С.В. Бахрушин не согласен. (См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 163.)
10. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 201.
11. Фоскарино М. «Рассуждение о Московии» из книги «Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино» // Иностранцы о древней Москве. М. 1991. С. 51–52.
12. Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 109.
13. Там же. С. 127.

14. Ключевский В.О. Соч. Т. VIII. С. 41–43.
15. Два других корабля в течение полутора месяцев буря носила по морю. Наконец они нашли прибежище в устье реки Арзины. Здесь путешественники решили перезимовать, но они и представить себе не могли, какими бывают зимы в здешних краях. Через год местные жители обнаружили два английских судна («Добрая надежда», «Благое упование»). Моряки погибли все до последнего человека. Ричарду Ченслору и его команде несказанно повезло. Только их корабль оправдал свое название – «Эдуард – благое предприятие».
16. Соловьев С.М. Указ. Соч. Кн. 3. Т. 6. С. 505.
17. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 130.
18. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 110–111.
19. ПИГ. С. 142.
20. ПИГ. С. 139–143.
21. Толстой. Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 181–188.
22. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3 Т. 6. С. 576.
23. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т.6. С. 662.
24. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т. 6. С. 484.
25. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 131.
26. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI – XVII вв. М., 2007. С. 219.
27. Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов до 1631 г. Сб. РИО. Т. 116. СПб., 1902. С. XXX–XXXIII.
28. Там же. С. CCLXVII.
29. Там же. С. XXXIV–XXXV.
30. Соловьев С.М. Указ. Соч. Кн. 3. Т. 6. С. 657.
31. Соловьев С.М. Указ. Соч. Кн. 3. Т. 6. С. 660.
32. Жордания Г. Очерки из истории франко–русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Тбилиси, 1959. С. 6., 44–51.
33. Щербачев Ю.Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива. РИБ. Т. 16. СПб., 897. Стлб. 201–204 (№ 49).
34. Демин А.В. Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 59.
35. Цитата по книге: Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М., 1986. С. 54.
36. Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М., 1986. С. 65.
37. Нейгеббауер С. Московия. Описание природы, расстояния, местоположение, религия и государственное устройство // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 25–28.